
ФИЛОСОФСКІЯ НАЧАЛА ЦѢЛЬНАГО ЗНАНІЯ ¹⁾.

II.

О трехъ типахъ философіи.

Свободная теософія есть органической синтезъ теологіи, философіи и опытной науки и только такой синтезъ можетъ заключать въ себѣ цѣльную истину знанія: внѣ его и наука, и философія, и теологія суть только отдѣльныя части или стороны, оторванные органы знанія и не могутъ быть такимъ образомъ ни въ какой степени адекватны самой цѣльной истинѣ. Понятно, что достигнуть искомага синтеза можно отправляясь отъ любого изъ его членовъ. Ибо такъ какъ истинная наука не возможна безъ философіи и теологіи, также какъ истинная философія безъ теологіи и положительной науки, и истинная теологія безъ философіи и науки, то необходимо каждый изъ этихъ элементовъ, доведенный до истинной своей полноты, получаетъ синтетическій характеръ и становится цѣльнымъ знаніемъ. Такъ положительная наука, возведенная въ истинную систему или доведенная до своихъ настоящихъ началъ и корней, переходитъ въ свободную теософію; ея же становится и философія, избавленная отъ своей односторонности, а наконецъ, и теологія, освободившись отъ своей исключительности, необходимо превращается въ ту же свободную теософію; и если эта послѣдняя вообще опредѣляется какъ цѣльное знаніе, то въ особенности она можетъ быть обозначена какъ цѣльная наука, или же какъ цѣльная философія, или, наконецъ, какъ цѣльная теологія; различіе будетъ здѣсь только въ исходной точкѣ и въ способѣ изложенія, результаты же и положительное содержаніе одно и тоже. Въ настоящемъ сочиненіи исходная точка есть философское мышленіе, свободная теософія разсматривается здѣсь какъ

¹⁾ Продолженіе. См. Жур. Мин. Нар. Пр., за мартъ мѣсяць текущаго года.

философская система и мнѣ прежде всего должно показать, что истинная философія необходимо должна имѣть этотъ теософическій характеръ или что она можетъ быть только тѣмъ, что я называю свободною теософіей или цѣльнымъ званіемъ.

Слово философія, какъ извѣстно, не имѣетъ одного точно опредѣленнаго значенія, но употребляется во многихъ, весьма между собою различныхъ смыслахъ. Прежде всего мы встрѣчаемся съ двумя главными, рѣзко другъ отъ друга отличающимися понятіями о философіи: по первому философія есть *только* теорія, есть дѣло *только* школы, по второму она есть болѣе чѣмъ теорія, есть преимущественно дѣло жизни, а потомъ уже и школы. По первому понятію философія относится *исключительно* къ познавательной способности человѣка; по второму — она отвѣчаетъ также и высшимъ стремленіямъ человѣческой воли и высшимъ идеаламъ человѣческаго чувства, имѣетъ такимъ образомъ не только теоретическое, но также нравственное и эстетическое значеніе, находясь во внутреннемъ взаимодействіи съ сферами творчества и практической дѣятельности, хотя и различаясь отъ нихъ. Для философіи, соотвѣтствующей первому понятію — для философіи школы отъ человѣка требуется только развитой до извѣстной степени умъ, обогащенный нѣкоторыми познаніями и освобожденный отъ вульгарныхъ предразсудковъ; для философіи, соотвѣтствующей второму понятію — для философіи жизни требуется кромѣ того особенное направленіе воли, т. е. особенное нравственное настроеніе, и еще художественное чувство и смыслъ, сила воображенія или фантазіи. Первая философія, занимаясь исключительно-теоретическими вопросами, не имѣетъ никакой прямой внутренней связи съ жизнью личной и общественной, вторая философія стремится стать образующею и управляющею силою этой жизни.

Спрашивается, какая изъ этихъ двухъ философій есть истинная? И та и другая имѣютъ одинаковое притязаніе на познаніе истины, но самое это слово понимается ими совершенно различно; для одной оно имѣетъ только отвлеченно-теоретическое значеніе, для другой — живое, существенное. Если для разрѣшенія нашего вопроса мы обратимся къ этимологіи слова философія, то получимъ отвѣтъ въ пользу живой философіи. Очевидно, названіе любомудріе, то-есть, любовь къ мудрости (таковъ смыслъ греческаго слова *φιλοσοφία*) не можетъ примѣняться къ отвлеченной теоретической наукѣ. Подъ мудростью разумѣется не только полнота знанія, но и нравственное совершенство, внутренняя цѣльность духа. Такимъ образомъ, слово философія

означаетъ стремленіе къ духовной цѣльности человѣческаго существа,—въ такомъ смыслѣ оно первоначально и употреблялось. Но, разумѣется, этотъ этимологическій аргументъ самъ по себѣ не имѣетъ важности, такъ какъ слово, взятое изъ мертваго языка, можетъ впослѣдствіи получить значеніе независимое отъ его этимологіи. Такъ, напримѣръ, слово химія, значащее этимологически черноземная или же египетская (отъ слова хем—черная земля, какъ собственное имя—Египеть), въ современномъ своемъ смыслѣ имѣетъ, конечно, очень мало общаго съ черноземомъ или съ Египтомъ. Но относительно философіи должно замѣтить, что и теперь большинствомъ людей она понимается соотвѣтственно своему первоначальному значенію. Общій смыслъ и его выраженіе—разговорный языкъ и доселѣ видятъ въ философіи болѣе чѣмъ отвлеченную науку, въ философѣ—болѣе чѣмъ ученаго. Въ разговорномъ языкѣ можно назвать философомъ чело-вѣка не только малоученаго, но и совсѣмъ необразованнаго, если только онъ обладаетъ нѣкоторымъ особеннымъ умственнымъ и нравственнымъ настроеніемъ. Такимъ образомъ, не только этимологія, но и общее употребленіе придаютъ этому слову значеніе совершенно не соотвѣтствующее школьной философіи, но весьма близкое къ тому, что мы назвали философіей жизни, что, конечно, составляетъ уже большое *praejudicium* въ пользу этой послѣдней. Но рѣшающаго значенія это обстоятельство все-таки не имѣетъ: ходячее понятіе о философіи можетъ не отвѣчать требованіямъ болѣе развитаго мышленія. И такъ, чтобы разрѣшить вопросъ по существу, намъ должно разсмотрѣть *внутреннія* начала обѣихъ философій и лишь изъ ихъ собственной состоятельности или несостоятельности вывести заключеніе въ пользу той или другой.

Все многообразіе системъ въ школьной философіи можетъ быть сведено къ двумъ главнымъ типамъ или направленіямъ, причемъ однѣ изъ системъ представляютъ простыя видоизмѣненія этихъ типовъ или различныя стадіи ихъ развитія, другія образуютъ переходныя ступени или промежуточныя звенья отъ одного типа къ другому, третьи наконецъ, суть опыты эклектическаго соединенія обѣихъ.

Возрѣнія, принадлежащія къ первому типу, полагаютъ основной предметъ философіи во внѣшнемъ мірѣ, въ сферѣ матеріальной природы и соотвѣтственно этому настоящимъ источникомъ познанія считаютъ внѣшній опытъ, то-есть, тотъ, который мы имѣемъ посредствомъ нашего обыкновеннаго чувственнаго сознанія. По предполагаемому имъ предмету философіи этотъ типъ можетъ быть названъ

натурализмомъ, по признаваемому же имъ источнику познанія — внѣшнимъ *эмпиризмомъ*.

Признавая настоящимъ объектомъ философіи природу, данную намъ во внѣшнемъ опытѣ, натурализмъ однако не можетъ приписывать такого значенія непосредственной, окружающей насъ дѣйствительности во всемъ сложномъ и измѣнчивомъ многообразіи ея явленій. Еслибы искомая философіей истина была тождественна съ этою окружающею насъ дѣйствительностью, еслибы она такимъ образомъ была у насъ подъ руками, то нечего было бы и искать ее и философія, какъ особенный родъ знанія, не имѣла бы причины существовать. Но въ томъ-то и дѣло, что эта наша дѣйствительность не долѣтъ себѣ, что она представляется какъ нѣчто частичное, измѣнчивое, производное и требуетъ такимъ образомъ своего объясненія изъ другаго, истинно-сущаго, какъ своего первоначала. Эта феноменальная дѣйствительность—то, что мы въ совокупности называемъ міромъ, есть только данный предметъ философіи, то, что требуется объяснить, задача для разрѣшенія, загадка, которую нужно разгадать. Ключъ этой задачи, *le mot de l'énigme* и есть *искомое* философіи. Всѣ философскія направленія, гдѣ бы они ни искали сущей истины, какъ бы ее ни опредѣляли—одинаково признаютъ, что она должна представлять характеръ всеобщности и неизмѣнности, отличающій ее отъ переходящей и раздробленной дѣйствительности явленій. Это признаетъ и натурализмъ, какъ философское воззрѣніе, и потому считаетъ истинно-сущимъ природу не въ смыслѣ простой совокупности внѣшнихъ явленій въ ихъ видимомъ многообразіи, а въ смыслѣ общей реальной основы или матеріи этихъ явленій. Опредѣляя эту основу—натурализмъ проходитъ три степени развитія. Первая младенческая фаза натуралистической философіи (представляемая, напримѣръ, древней іонійской школой), можетъ быть названа элементарнымъ или стихійнымъ матеріализмомъ; за основу или начало (*αρχή*) принимается здѣсь одна изъ такъ называемыхъ стихій, и все остальное признается за ея видоизмѣненіе. Но легко видѣть, что каждая стихія, какъ ограниченная, отличающаяся отъ другаго реальность, не можетъ быть настоящимъ первоначаломъ; имъ можетъ быть только общая неопредѣленная стихія или общая основа всѣхъ стихій (*το ἀπειρον* Анаксимандра).

Эта единая производительница всего существующаго, всеобщая мать-природа (*materia* отъ *mater*), порождая изъ себя всякую жизнь, не можетъ быть мертвой и бездушнѣею реальностью — она должна заключать въ себѣ всѣ живыя силы бытія, должна сама быть живою

и одушевленной. Такое возрѣніе, оживляющее матеріальную природу, называется гилозоизмомъ и составляетъ вторую ступень натуралистической философіи (представителями его являются, между прочимъ, натурфилософы XV и XVI вѣка, преимущественно величайшій изъ нихъ — Джордано Бруно). Эти представленія о природѣ какъ живомъ одушевленномъ существѣ могутъ быть совершенно вѣрны (и мы увидимъ впоследствии, что они таковы на самомъ дѣлѣ); но съ точки зрѣнія натурализма, для нихъ нельзя указать никакихъ достаточныхъ оснований; эти представленія могутъ существовать въ натурализмѣ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не отдастъ себѣ отчета въ соотвѣтствующемъ ему способѣ познанія; но какъ только является сознаніе, что если основа всего существующаго лежитъ во внѣшнемъ мірѣ, то и узвана она можетъ быть только изъ внѣшняго опыта — какъ скоро является это сознаніе, то гилозоизмъ становится невыносимымъ для натуралиста. Въ самомъ дѣлѣ, во внѣшнемъ опытѣ мы не находимъ никакой одушевленной природы какъ первой причины всѣхъ явленій; вообще во внѣшнемъ опытѣ мы находимъ только различныя видоизмѣненія и механическія движенія вещества; дѣйствующая же живая сила, производящая эти движенія, не только во внѣшнемъ опытѣ не является, но изъ однихъ его данныхъ не можетъ быть и логически выведена. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія мы можемъ принять за основу всего существующаго только субстратъ механическаго движенія, то-есть, постоянныя недѣлимыя частицы вещества — атомы.

Атомы — недѣлимыя вещественныя частицы суть подлинно-сущее, неизмѣнно пребывающее, все остальное происходитъ изъ разнообразнаго механическаго сочетанія этихъ атомовъ и есть лишь переходящее явленіе — таковъ принципъ, опредѣляющій третью, послѣднюю ступень натурализма — механическій матеріализмъ или атомизмъ. Это возрѣніе ничего не знаетъ о всемірной живой силѣ, утверждаемой гилозоизмомъ; но безъ признанія силы вообще и механическій матеріализмъ обойтись не можетъ: онъ долженъ признать по крайней мѣрѣ частичныя элементарныя силы, присущія атомамъ. Итакъ, является утвержденіе, что все существующее состоитъ изъ силы и вещества — Kraft und Stoff. Если мы устранимъ нѣкоторыя недоразумѣнія, касающіяся болѣе словъ нежели дѣла, то должны будемъ согласиться съ этимъ основнымъ принципомъ матеріализма. Дѣйствительно, все *состоитъ* изъ силы и матеріи. Истинность и простота этого утвержденія доставляли матеріализму его огромную популярность во всѣ

времена; но съ другой стороны, никогда онъ не могъ удовлетворить сколько нибудь глубокіе философскіе умы. Причина этого понятна: говоря истину, матеріализмъ не говоритъ *всей* истины. Что вселенная состоитъ изъ силы и вещества также вѣрно, какъ и то, что Венера Милосская состоитъ изъ мрамора, и какъ это послѣднее утвержденіе не имѣетъ никакого значенія для художника, такъ же первое не имѣетъ цѣны для философа. Разумѣется, самый вопросъ о всеобщемъ субстратѣ существующаго имѣетъ для философіи несравненно бѣльшее значеніе, нежели вопросъ о матеріалѣ статуи для художества; но я имѣю здѣсь въ виду отвѣтъ матеріализма на этотъ важный вопросъ—отвѣтъ совершенно неопредѣленный и безсодержательный въ своей общности. Когда же матеріализмъ пытается выйти изъ этой общности и дать какія нибудь положительныя опредѣленія своему принципу, то его постигаетъ весьма печальная судьба.

Матеріализмъ опредѣляетъ вещество какъ совокупность атомовъ. Но что такое атомы? Для натуралиста это суть эмпирически данныя частицы относительно недѣлимыя, то-есть, которыхъ мы не можемъ никакимъ способомъ раздѣлить при существующихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, на вопросъ: что такое вещество? мы получаемъ глубокомысленный отвѣтъ: вещество есть совокупность частицъ вещества. Но тѣ немногіе матеріалисты, которые чувствуютъ нѣкоторую неудовлетворительность этого отвѣта, прибѣгаютъ къ иному способу опредѣленія, именно къ анализу *качественныхъ* элементовъ вещества. Устраняя всѣ частныя и вторичныя свойства, этотъ анализъ сводитъ вещество къ непроницаемости, то-есть, къ способности оказывать сопротивленіе внѣшнему дѣйствію. Собственно мы можемъ тутъ говорить только о сопротивленіи *нашему* дѣйствію. Ощущаемое нами сопротивленіе образуетъ общее представленіе вещественности, а такъ какъ и всѣ вторичныя и частныя проявленія вещества, каковы цвѣта, звуки и т. п. сводятся къ нашимъ ощущеніямъ — зрительнымъ, слуховымъ и т. д., то вообще все эмпирическое содержаніе вещества есть ни что иное какъ наше ощущеніе. Такое заключеніе очевидно разрушаетъ самую точку зрѣнія натурализма, перенося основу всего сущаго изъ внѣшняго міра въ насъ. Во избѣжаніе этого матеріализмъ долженъ возвратиться къ представленію атомовъ, но уже не какъ эмпирическихъ частицъ вещества сводимаго къ нашимъ ощущеніямъ, а какъ къ безусловно-недѣлимымъ реальнымъ точкамъ, которыя существуютъ сами по себѣ, независимо отъ всякаго опыта и, напротивъ, своимъ дѣйствіемъ на субъектъ обуславливаютъ всякій опытъ. Такіе

метафизическіе атомы по самому опредѣленію своему, какъ безусловно-недѣлимыя частицы, не могутъ быть найдены эмпирически, ибо въ эмпириі мы имѣемъ только относительное, а не безусловное бытіе; если же они не могутъ быть даны *эмпирически*, то признаніе ихъ должно имѣть *логическія* основанія и подлежать логической критикѣ. Но эта критика не только не находитъ достаточныхъ логическихъ основаній для утвержденія такихъ безусловно-недѣлимыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вещественныхъ точекъ, но съ совершенною очевидностью показываетъ логическую невозможность такого представленія. Въ самомъ дѣлѣ, эти атомы или имѣютъ нѣкоторое протяженіе или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ они дѣлимы и, слѣдовательно, суть только эмпирическіе, а не настоящіе атомы. Если же они не имѣютъ сами по себѣ никакого протяженія (что и должно быть уже потому, что протяженіе есть свойство эмпирическаго, феноменальнаго вещества, обусловленное формами субъективнаго воспріятія), то они суть математическія точки; но чтобы быть основой всего существующаго, эти математическія точки должны имѣть собственную субстанціальность; субстанціальность же эта не можетъ быть вещественной, ибо всѣ свойства вещества, не исключая и протяженія, отняты у атомовъ и все вещественное признано феноменальнымъ, а не субстанціальнымъ слѣдовательно, эта субстанціальность, не будучи вещественной, должна быть *динамической*. Атомы суть не составныя части вещества, а производящія вещество *силы*. Эти силы своимъ взаимодействіемъ (между собою) и своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ на нашъ субъектъ образуютъ всю нашу эмпирическую дѣйствительность, весь міръ явленій. Такимъ образомъ, не сила есть принадлежность вещества, какъ предполагалось сначала, а, напротивъ, вещество есть произведеніе силъ, или говоря точнѣе относительный предѣлъ ихъ взаимодействія. И такъ атомы или совсѣмъ не существуютъ, или суть не вещественныя динамическія единицы, живыя монады. Съ этимъ заключеніемъ окончательно падаетъ механическій матеріализмъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все натуралистическое мировоззрѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ сведенія атомовъ къ живымъ силамъ, для мыслителей натуралистическаго направленія остаются открытыми два пути. Или признавъ реальность монадъ, обратиться къ изслѣдованію ихъ внутренняго содержанія и взаимныхъ отношеній. Такое изслѣдованіе необходимо умозрительнаго характера (ибо въ опытѣ монады не даны) переходя за предѣлы натурализма, вводитъ насъ, какъ будетъ впослѣдствіи показано, въ самую глубь мистической философіи. Другой путь—оставаясь во что бы то ни

стало на почвѣ эмпиризма, принять всѣ отрицательныя слѣдствія, необходимо вытекающія изъ этой точки зрѣнія. А именно: если единственный источникъ познанія есть внѣшній опытъ и если во внѣшнемъ опытѣ намъ не дано никакихъ основъ бытія, никакихъ сущностей, а даны только явленія сводимыя къ нашимъ ощущеніямъ и представленіямъ, то эти явленія въ ихъ отношеніяхъ послѣдовательности и подобія и должны быть признаны какъ единственный предметъ познанія. Механическій матеріализмъ, опираясь также на внѣшнемъ опытѣ исключительно, допускаетъ однакоже нѣчто такое, чего во внѣшнемъ опытѣ нѣтъ, именно атомы. Такое противорѣчіе должно быть устранено; должно отказаться даже отъ такихъ жалкихъ сущностей, какъ атомы, должно отказаться отъ всякихъ сущностей, принесть ихъ всѣхъ въ жертву эмпиризму, съ которымъ натуралистическая точка зрѣнія связана неразрывно, такъ какъ нѣтъ для нея другаго соответствующаго способа познанія, кромѣ внѣшней эмпириі.

И такъ, натурализмъ долженъ признать единственнымъ предметомъ познанія то, что дано въ дѣйствительномъ внѣшнемъ опытѣ, то-есть, явленія въ ихъ внѣшней связи послѣдовательности и подобія. Но изученіе явленій въ этомъ смыслѣ есть дѣло положительныхъ наукъ, къ которымъ такимъ образомъ и сводится послѣдовательный натурализмъ, переставая быть философіей. Онъ избѣгнулъ гиперфизики только для того, чтобы быть поглощеннымъ безъ остатка эмпиризмомъ и слиться съ положительными науками. Такой результатъ для многихъ есть выраженіе сущей истины, окончательное торжество человѣческаго разума надъ туманными призраками метафизики. вмѣсто сущностей явленія, вмѣсто причинъ и цѣлей—неизмѣнные законы явленій, вмѣсто трансцендентальной философій—положительная наука—въ такомъ замѣщеніи эмпиризмъ видитъ свое полное торжество, которое для него, разумѣется, есть торжество истины надъ заблужденіемъ. Но бѣда въ томъ, что неумолимая логика разсудка не позволяетъ эмпиризму успокоиться даже въ этой мелкой, но, повидимому, совершенно безопасной пристани положительной науки; она неудержимо толкаетъ его въ темную пропасть безусловнаго скептицизма. Въ самомъ дѣлѣ, наука стремится узнать законъ явленій, то-есть, необходимыя и всеобщія ихъ отношенія—отношенія общія всѣмъ однороднымъ явленіямъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ прошедшихъ и будущихъ, то-есть, во всѣ времена. Предполагается, что эти законы наука узнаетъ изъ опыта. Но въ опытѣ мы можемъ наблюдать только эмпирическія отношенія явленій, то-есть, ихъ отношенія въ данныхъ случаяхъ, подлежавшихъ нашему

опыту. Извѣстное отношеніе послѣдовательности и подобія между данными явленіями, одинаковое во всѣхъ нашихъ прошедшихъ опытахъ есть фактъ; но что ручается за неизмѣнность этого отношенія во всѣ времена безусловно, какъ послѣдующія, такъ и предшествовавшія нашимъ опытамъ, въ которыя, слѣдовательно, мы не можемъ утверждать этого отношенія въ качествѣ факта? Что даетъ эмпирической, фактической связи явленій характеръ всеобщности и необходимости, что дѣлаетъ ее закономъ? Нашъ научный опытъ существуетъ, можно сказать, со вчерашняго дня и количество случаевъ, ему подлежащихъ, въ сравненіи съ остальными безконечно мало. Но еслибы даже этотъ опытъ существовалъ милліоны вѣковъ, то и эти милліоны вѣковъ ничего не значили бы въ отношеніи къ безконечному времени впереди насъ и слѣдовательно нисколько не могли бы способствовать безусловной достовѣрности найденныхъ въ этомъ опытѣ законовъ. И такъ, на чемъ же основываютъ эмпирики свои всеобщіе законы явленій? Тутъ намъ приходится констатировать нѣчто совершенно невѣроятное: тѣ самые современные эмпирики, которые такъ смѣются надъ схоластиками, утверждавшими въ видѣ аксіомъ, что природа не терпитъ пустоты, не дѣлаетъ скачковъ и тому подобное—сами совершенно серьезно объявляютъ, что всеобщность и необходимость, иначе—неизмѣнность законовъ явленій основывается на той аксіомѣ, что природа постоянна и однообразна въ своихъ дѣйствіяхъ. Если достойны смѣха схоластики, которые однако имѣли право утверждать такія аксіомы, потому что они вообще признавали *veritates aeternae et universales*, то чего же достойны эти современные эмпирики, которые, отрицая всякія апріорныя истины, подносятъ намъ между тѣмъ такую чистѣйшую *veritatem aeternam* касательно природы и ея дѣйствій? Да и что такое сама природа для эмпирика? Общее понятіе, отвлеченное отъ явленій и ихъ законовъ и, слѣдовательно, не имѣющее никакого собственнаго содержанія независимаго отъ этихъ явленій и законовъ; такимъ образомъ аксіома о постоянствѣ природы сводится къ утвержденію, что законы явленій неизмѣнны и мы получаемъ чистѣйшее *idem per idem*: неизмѣнность законовъ явленій, основанную на простомъ утвержденіи этой самой неизмѣнности.

И такъ, на вопросъ: почему извѣстное данное въ опытѣ отношеніе явленій есть всеобщій и необходимый законъ?—остается для эмпиризма единственный отвѣтъ: потому что это отношеніе всегда наблюдалось до сихъ поръ. Но въ такомъ случаѣ, это есть законъ лишь до перваго наблюденія, которое можетъ показать другое отношеніе

между явленіями этого рода, слѣдовательно, это уже не есть настоящій законъ, всеобщій и необходимый. Если же допустить, что данное отношеніе есть законъ, потому что оно необходимо само по себѣ, то-есть, а priori, то мы уже переходимъ изъ эмпиризма къ умозрительной философіи. Такимъ образомъ съ эмпирической точки зрѣнія невозможно даже познаніе явленій въ ихъ всеобщихъ необходимыхъ законахъ; послѣдовательный эмпиризмъ разрушаетъ не только философію, но и положительную науку въ ея теоретическомъ значеніи. Остается только возможность эмпирическихъ свѣдѣній о явленіяхъ въ ихъ данной фактической связи, измѣнчивой и преходящей—свѣдѣній, могущихъ имѣть практическую пользу, но очевидно лишенныхъ всякаго теоретическаго интереса.

Эмпиризмъ допускаетъ познаніе только явленій. Но что такое явленіе? Оно противопоставляется сущему въ себѣ и, слѣдовательно, опредѣляется какъ то, что не есть въ себѣ, а существуетъ только относительно другаго, именно относительно насъ, какъ познающаго субъекта. Всѣ явленія сводятся къ нашимъ ощущеніямъ или, точнѣе, къ различнымъ состояніямъ нашего сознанія. Все, что мы обыкновенно принимаемъ за внѣшніе независимые отъ насъ предметы, все что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ и т. д., состоитъ въ дѣйствительности изъ нашихъ собственныхъ ощущеній, то-есть, изъ видоизмѣненій нашего субъекта и, слѣдовательно, не можетъ имѣть притязанія на какую нибудь иную реальность кромѣ той, какую имѣютъ и всѣ остальные видоизмѣненія субъекта, какъ то: желанія, чувства, мысли и т. д. Такимъ образомъ исчезаетъ противоположеніе внутренняго и внѣшняго опыта; нельзя уже говорить о внѣшнихъ предметахъ и о нашихъ психическихъ состояніяхъ, какъ о чемъ-то противоположномъ другъ другу, такъ какъ и внѣшніе предметы суть въ дѣйствительности наши психическія состоянія и ничего болѣе—все одинаково есть явленія, то-есть, видоизмѣненія нашего субъекта, различныя состоянія нашего сознанія. Это относится не только къ такъ называемымъ неодушевленнымъ предметамъ, но и къ предполагаемымъ субъектамъ внѣ насъ. Все, что мы можемъ знать о другихъ людяхъ, сводится къ нашимъ же собственнымъ ощущеніямъ: мы ихъ видимъ, слышимъ, осязаемъ, какъ мы видимъ, слышимъ, осязаемъ другіе внѣшніе предметы; въ этомъ отношеніи—въ отношеніи способа нашего познанія о нихъ между людьми и остальными предметами нѣтъ никакого различія, и если, какъ это дѣлаетъ эмпиризмъ, изъ способа познанія выводить заключеніе объ образѣ бы-

тія познаваемаго, изъ того, что этотъ вещественный предметъ *познается* мною въ моихъ ощущеніяхъ—заключать, что онъ и *состоитъ* только изъ моихъ ощущеній, то такое заключеніе должно примѣняться и къ людямъ. Я знаю о другихъ людяхъ только посредствомъ моихъ ощущеній, они существуютъ для меня только въ этихъ состояніяхъ моего сознанія, слѣдовательно, они и суть не что иное, какъ состоянія моего сознанія. Но и о самомъ себѣ, какъ субъектѣ, я знаю только въ состояніяхъ своего сознанія, слѣдовательно, я и самъ, какъ субъектъ, долженъ быть сведенъ къ состояніямъ моего сознанія; но это нелѣпо, такъ какъ *мое* сознаніе уже предполагаетъ *меня*. Остается, слѣдовательно, допустить, что существуютъ явленія сознанія, но не моего, такъ какъ меня нѣтъ, а сознанія вообще, безъ сознающаго такъ же какъ и безъ познаваемаго. Существуютъ явленія сами по себѣ, представленія сами по себѣ. Но это прямо противорѣчитъ логическому смыслу этихъ терминовъ. Явленіе, въ противоположность сущему, значитъ только то, что не есть само по себѣ, а существуетъ лишь для другаго; точно тоже значитъ и представленіе. Если же этого другаго,—представляющаго—нѣтъ, то нѣтъ и представленія, нѣтъ и явленія, то все сводится къ какому-то безразличному въ себя заключенному и никакого отношенія къ другому (такъ какъ другаго нѣтъ), не имѣющему бытію,—заключеніе нелѣпое логически и не имѣющее ничего общаго съ эмпирической дѣйствительностью, которымъ, слѣдовательно, эмпиризмъ окончательно уничтожается.

Во избѣжаніе такого заключенія остается признать, что познающей субъектъ, какъ такой, обладаетъ не феноменальнымъ, а абсолютнымъ бытіемъ, есть не явленіе, а истинно-сущее. Такое утвержденіе есть начало втораго направленія или типа школьной философіи,—который обыкновенно обозначается названіемъ *идеализма*. Здѣсь истинно сущее полагается уже не во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ ищетъ его натурализмъ, а въ насъ самихъ—въ познающемъ субъектѣ. Послѣдовательный сознающій себя эмпиризмъ, поглотившій принципъ натурализма чрезъ сведеніе всякаго внѣшняго предметнаго бытія къ ощущеніямъ субъекта, составляетъ, такимъ образомъ, естественный переходъ отъ натурализма къ идеализму.

Утверждая абсолютное бытіе за познающимъ субъектомъ, идеализмъ, разумѣется, имѣетъ въ виду не эмпирическихъ субъектовъ въ ихъ конкретной множественности, въ частныхъ отдѣльныхъ актахъ ихъ матеріально обусловленнаго познанія; онъ имѣетъ въ виду по-

знающій субъектъ какъ такой, то-есть, въ общихъ и необходимыхъ образахъ его познанія или *идеяхъ* (отсюда названіе идеализма). Эти идеи, какъ всеобщія и необходимыя, очевидно, не могутъ быть даны эмпирически; они доступны только апріорному мышленію чистаго разума; поэтому идеализмъ относительно способа познанія есть необходимо чистый раціонализмъ. [Это воззрѣніе съ наибольшей сознательностью и чистотой было развито, какъ извѣстно, въ новѣйшей германской философіи, берущей свое начало отъ Канта. Развитіе этой философіи всѣмъ извѣстно и я только напому его здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ]. Истинно-сущее для идеализма есть то, что познается чистымъ мышленіемъ; но чистымъ мышленіемъ познаются только общія понятія; къ этому сводится идея поскольку она дана въ чистомъ раціональномъ мышленіи. И такъ, истинно-сущее есть общее понятіе, а такъ какъ все существующее должно быть проявленіемъ истинно-сущаго какъ всеобщей основы, то все существующее есть ничто иное какъ развитіе общаго понятія, но это послѣднее, какъ такое, общее понятіе *какъ εἶσυχν* можетъ быть лишь то, которое не заключаетъ въ себѣ никакого конкретнаго содержанія, то-есть, понятіе чистаго *бытія* рѣшительно въ себѣ ничего не содержащаго, ничѣмъ не различающагося отъ понятія *ничто* и, слѣдовательно, равнаго ему. Такимъ образомъ, раціоналистическій идеализмъ приходитъ къ абсолютной логикѣ Гегеля, по которой все существующее является результатомъ саморазвитія этого чистаго понятія бытія, равнаго ничто. Если все имѣетъ подлинную дѣйствительность только въ своемъ понятіи, то и познающій субъектъ есть не что иное какъ понятіе и въ этомъ отношеніи не имѣетъ никакого преимущества передъ остальнымъ бытіемъ. Такимъ образомъ, понятія или идеи, образующія все существующее, не суть идеи мыслящаго субъекта (онъ самъ есть только идея)—они суть сами по себѣ, и все существующее есть, какъ сказано, результатъ ихъ саморазвитія или, точнѣе, саморазвитія одного понятія—чистаго бытія или ничто. Другими словами, все происходитъ изъ ничего или все въ сущности есть ничто. Все есть чистая мысль, то-есть, мысль безъ мыслящаго и безъ мыслимаго, актъ безъ дѣйствующаго и безъ предмета дѣйствія ¹⁾. Здѣсь мы видимъ разительный примѣръ того, какъ прямо противоположныя направленія сходятся

¹⁾ Логическая необходимость, приводящая къ нулю послѣдовательный идеализмъ, была указана многими; напримѣръ (чтобы упомянуть о послѣднемъ) Гартманомъ въ его *Grundlegung des transscendentalen Realismus*. Отрицать эту необходимость могутъ только умственно умершіе догматики Гегельянства.

въ своихъ крайнихъ заключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательный эмпиризмъ приходитъ, какъ мы видѣли, къ подобному же результату — къ признанію представленія безъ представляющаго и безъ представляемаго, состояній сознанія безъ сознающаго и безъ сознаваемаго — короче, явленія безъ сущаго — къ признанію какого-то безразличнаго текущаго бытія. Разница только въ томъ, что эмпиризмъ опредѣляетъ это бытіе сенсуалистически какъ ощущеніе или же чувственное представленіе, панлогизмъ же рационалистически — какъ общее понятіе. Но и эта разница только кажущаяся, ибо если все признается ощущеніемъ и съ другой стороны все же признается понятіемъ — то и ощущеніе и понятіе теряютъ свою опредѣленность, свое характеристическое значеніе. Ощущеніе, которое есть все, не есть уже ощущеніе, и понятіе, которое есть все, не есть уже понятіе — разница только въ словахъ. И то и другое, лишенные субъекта и объекта, расплываются въ безусловную неопредѣленность, въ чистое ничто. Это ихъ сведеніе къ нулю, ими самими совершенное, есть достаточное опроверженіе этихъ воззрѣній въ ихъ односторонности. И если такое ихъ саморазрушеніе происходитъ (какъ это несомнѣнно) изъ логическаго процесса мысли, выводящаго необходимаго слѣдствія, заключающіяся уже въ исходныхъ точкахъ или въ послышкахъ этихъ воззрѣній, то очевидно заблужденіе ихъ состоитъ въ этихъ самыхъ послышкахъ. Большая послылка эмпирическаго натурализма утверждаетъ, что истинно-сущее находится во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ и что способъ его познанія есть внѣшній опытъ. Большая послылка рационалистическаго идеализма утверждаетъ, что истинно-сущее находится въ познающемъ субъектѣ, въ нашемъ разумѣ, и что способъ познанія его есть чистое рациональное мышленіе или построеніе общихъ понятій. Между тѣмъ при послѣдовательномъ развитіи этихъ началъ, эмпиризмъ приходитъ къ отрицанію внѣшняго міра, природы и внѣшняго опыта, какъ способа познанія истинно-сущаго, а рационализмъ приходитъ къ отрицанію познающаго субъекта и чистаго мышленія, какъ способа познанія сущаго (поскольку само сущее отрицается). Такимъ образомъ, отвергая начала обоихъ этихъ направленій или типовъ философіи, мы не нуждаемся ни въ какихъ внѣшнихъ для нихъ аргументахъ: они сами себя опровергаютъ какъ только приходятъ къ своимъ послѣднимъ логическимъ заключеніямъ, а вмѣстѣ съ ними падаетъ и вся отвлеченная школьная философія, которой они суть два необходимые полюса.

И такъ, должно или отказаться вообще отъ истиннаго познанія и

стать на точку зрѣнія безусловнаго скептицизма¹⁾, или же должно признать, что искомое философіи не заключается ни въ реальномъ бытіи внѣшняго міра, ни въ идеальномъ бытіи нашего разума, что оно не познается ни путемъ эмпиріи, ни путемъ чисто-раціональнаго мышленія. Другими словами, должно признать, что истинно-сущее имѣетъ собственную абсолютную дѣйствительность совершенно независимую отъ реальности внѣшняго вещественнаго міра, также какъ и отъ нашего мышленія, а, напротивъ, сообщающую этому міру его реальность, а нашему мышленію—его идеальное содержаніе. Воззрѣнія, признающія въ качествѣ истинно-сущаго такое сверхкосмическое и сверхчеловѣческое начало и притомъ не въ образѣ только отвлеченнаго принципа (какимъ оно является, напримѣръ, въ картезіанскомъ и Вольфовскомъ деизмѣ), а со всею полнотою его живой дѣйствительности—такія воззрѣнія выходятъ за предѣлы школьной философіи и рядомъ съ ея двумя типами образуютъ особенный третій типъ умосозерцанія, обыкновенно называемый *мистицизмомъ*.

Согласно этому воззрѣнію, истина не заключается ни въ логической формѣ познанія, ни въ эмпирическомъ его содержаніи, вообще она не принадлежитъ теоретическому знанію въ его отдѣльности или исключительности—такое знаніе не есть истинное. Знаніе же истины есть лишь то, которое соотвѣтствуетъ волѣ блага и чувству красоты. Хотя опредѣленіе истины относится непосредственно къ сферѣ знанія, но никакъ не къ ея исключительности (которая уже есть не истина); это опредѣленіе должно принадлежать знанію лишь посколькѣ оно согласуется съ другими сферами духовнаго бытія; иными словами: истиннымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то-есть, самою истиной можетъ быть только то, что вмѣстѣ съ тѣмъ есть благо и красота. Правда, существуютъ такъ называемыя истины, которыя доступны для познавательной способности въ ея отдѣльности или отвлеченности; таковы, съ одной стороны, истины чисто формальныя, съ другой—чисто матеріальныя или эмпирическія. Какое нибудь математическое положеніе имѣетъ формальную истинность безъ всякаго прямаго отношенія къ волѣ и чувству, но за то оно лишено само по себѣ всякой дѣйствительности и реальнаго содержанія. Съ дру-

¹⁾ Скептицизмъ есть простое отрицаніе всякой *опредѣленной* философіи (посколькѣ и сомнѣніе есть *отрицаніе*, именно отрицаніе увѣренности и опредѣленія), а потому неосновательно признавать его (какъ это дѣлаютъ многіе) за особенный типъ или направленіе философіи.

гой стороны, какой нибудь исторической или естественно-научный фактъ имѣетъ матеріальную истинность безъ всякаго отношенія къ этикѣ или эстетикѣ, но за то онъ лишенъ самъ по себѣ всякаго разумнаго смысла. Истины перваго рода недѣйствительны, втораго—неразумны, первыя нуждаются въ реализаціи, вторыя—въ осмысленіи. Настоящая же истина, цѣльная и живая, сама въ себѣ, заключаетъ и свою дѣйствительность и свою разумность и сообщаетъ ихъ всему остальному. Согласно съ этимъ предметъ мистической философіи есть не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ; эта философія занимается не внѣшнимъ порядкомъ явленій, а внутреннимъ порядкомъ существъ и ихъ жизни, который опредѣляется ихъ отношеніемъ къ существу первоначальному. Разумѣется, и мистицизмъ, какъ всякая философія, двигается въ идеяхъ и мысляхъ, но онъ знаетъ, что эти мысли имѣютъ значеніе лишь посколькѣ относятся къ тому, что чрезъ нихъ мыслится и что уже само не есть мысль, а болѣе мысли. Школьная философія или смѣшиваетъ сущее съ тѣмъ или другимъ видомъ бытія, то-есть, представленія, или же отрицаетъ самую познаваемость сущаго. Мистическая философія, съ одной стороны, знаетъ, что всякое бытіе есть лишь образъ представленія сущаго, а не само оно; съ другой стороны—противъ скептическаго утвержденія, что человѣкъ ничего не можетъ знать, кромѣ представленія, она указываетъ на то, что человѣкъ самъ есть болѣе чѣмъ представленіе или бытіе и что такимъ образомъ даже не выходя изъ самого себя онъ можетъ знать о сущемъ.

Мистицизмомъ заключается кругъ возможныхъ философскихъ воззрѣній, ибо очевидно, что искомое философій можетъ имѣть свою дѣйствительность или во внѣшнемъ мірѣ, то-есть, въ познаваемомъ объектѣ, какъ такомъ, или же въ насъ—познающемъ субъектѣ, какъ такомъ, или, наконецъ, въ себѣ самомъ независимо отъ насъ и отъ внѣшняго міра—четвертое предположеніе очевидно невысказуемо. И если два первые воззрѣнія, образующія школьную философію, не могутъ быть приняты, потому что сами себя уничтожаютъ, то намъ остается или вообще отказаться отъ исканія истины, или принять это третье воззрѣніе какъ основу истинной философіи. Если истина, не находящая ни въ внѣшнемъ мірѣ, ни въ насъ самихъ, можетъ ео ipso принадлежать только собственной трансцендентной дѣйствительности абсолютнаго первоначала, и если тѣмъ не менѣе, какъ это заключаетъ

скептицизмъ, мы не можемъ познавать этой трансцендентной дѣйствительности, то это значить, что мы вообще не можемъ знать истины и такимъ образомъ аргументы скептицизма противъ возможности мистической философіи направлены тѣмъ самымъ противъ всякаго исканія истины, противъ всякой философіи, а въ концѣ, и противъ всякаго знанія.

И такъ, мистическое знаніе ¹⁾ необходимо для философіи, такъ какъ помимо его она въ послѣдовательномъ эмпиризмѣ и въ послѣдовательномъ раціонализмѣ одинаково приходитъ къ абсурду. Но это мистическое знаніе можетъ быть только *основой* истинной философіи, подобно тому, какъ внѣшній опытъ служитъ основой философіи эмпирической, а логическое мышленіе—основой раціонализма, но само по себѣ мистическое знаніе еще не образуетъ системы истинной или синтетической философіи, того, что я назвалъ цѣльнымъ знаніемъ или свободною теософіей. Эта система, по самому понятію своему, должна быть свободна отъ всякой исключительности и односторонности, между тѣмъ какъ мистицизмъ, въ отдѣльности взятый, можетъ быть и дѣйствительно является исключительнымъ, утверждая только одно непосредственное знаніе, имѣющее форму внутренней безусловной увѣренности. Разумѣется, на такой увѣренности и должно основываться истинное знаніе, но чтобы быть полнымъ или цѣльнымъ, оно не должно на этомъ останавливаться (какъ это дѣлаетъ исключительный мистицизмъ): ему необходимо еще, во первыхъ, подвергнуться рефлексіи разума, получить оправданіе логическаго мышленія, а вовторыхъ, получить подтвержденіе со стороны эмпирическихъ фактовъ. Отвергая ложные принципы и нелѣпныя заключенія эмпиризма и раціонализма, истинная философія должна заключать въ себѣ объективное содержаніе этихъ направленій въ качествѣ вторичныхъ или подчиненныхъ элементовъ. Ибо если цѣльное знаніе вообще есть синтезъ философіи съ теологіей и наукой, то, очевидно, этому широкому синтезу долженъ предшествовать соотвѣтствующій ему болѣе тѣсный синтезъ въ средѣ самой философіи, именно между тремя ея направленіями: мистицизмомъ, раціонализмомъ и эмпиризмомъ. Аналогія здѣсь несомнѣнна: мистицизмъ соотвѣтствуетъ теологіи, эмпиризмъ—положительной наукѣ, а раціонализму принадлежитъ собственно философскій отвлеченный характеръ, по скольку

¹⁾ Употребляю пока этотъ терминъ только отрицательно, положительное же его содержаніе можетъ быть открыто только впоследствии.

онъ ограничивается чистымъ философскимъ мышленіемъ, тогда какъ мистицизмъ ищетъ опоры въ данныхъ религіи, а эмпиризмъ—въ данныхъ положительной науки.

Въ системѣ цѣльнаго знанія или свободной теософіи взаимное отношеніе трехъ философскихъ элементовъ опредѣляется указанною аналогією. Мистицизмъ, по своему абсолютному характеру, имѣетъ первенствующее значеніе, опредѣляя верховное начало и послѣднюю цѣль философскаго знанія; эмпиризмъ, по своему матеріальному характеру, служитъ внѣшнимъ базисомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнимъ примѣненіемъ или реализаціей высшихъ началъ и, наконецъ, раціоналистическій, собственно философскій элементъ, по своему преимущественно формальному характеру, является какъ посредство или общая связь всей системы.

Изъ сказаннаго ясно, что свободная теософія или цѣльное знаніе не есть одно изъ направленій или типовъ философіи, а должна представлять высшее состояніе всей философіи, какъ во внутреннемъ синтезѣ трехъ ея главныхъ направленій, мистицизма, раціонализма и эмпиризма, такъ равно и въ болѣе общей и широкой связи съ теологіей и положительной наукою ¹⁾. Повинуясь общему закону историческаго развитія, философія проходитъ чрезъ три главныхъ состоянія, совершенно соотвѣтствующія тѣмъ, которыя были указаны въ первой главѣ для всей сферы знанія (также какъ и для другихъ сферъ). Первый моментъ характеризуется исключительнымъ господствомъ мистицизма, удерживающаго въ скрытомъ состояніи или слитности раціоналистическій и эмпирическій элементы (что совпадаетъ съ общимъ господствомъ теологіи); во второмъ фазисѣ эти элементы обособляются, философія распадается на три отдѣльных направленія или типа, стремящіяся къ абсолютному самоутвержденію и, слѣдовательно, взаимному отрицанію; здѣсь соотвѣтственно общему распаденію теоретической сферы на враждебныя между собою теологію, отвлеченную философію и положительную науку, мы имѣемъ односторонній мистицизмъ, односторонній раціонализмъ и односторонній эмпиризмъ. Въ третьемъ моментѣ они приходятъ къ внутреннему свободному синтезу, который ложится въ основу общаго синтеза трехъ степеней знанія, а затѣмъ и вселенскаго синтеза общечеловѣческой

¹⁾ Свободная теософія представляетъ такимъ образомъ положительную противоположность скептицизма: какъ этотъ послѣдній есть отрицаніе всякой опредѣленной философіи, такъ она есть всецѣлое единство ихъ всѣхъ.

жизни. Если единство въ сферѣ знанія, опредѣляемое необходимо теологическимъ или мистическимъ началомъ, мы называемъ вообще теософіей (то-есть, говоря точнѣе, знаніе въ своемъ единствѣ есть теософія), то высшее синтетическое единство третьяго момента (въ отличіе отъ несвободнаго или слитнаго въ первомъ моментѣ) характеризуется принятымъ мною названіемъ свободной теософіи или цѣльнаго знанія.

По общему опредѣленію, предметъ цѣльнаго знанія есть истинно-сущее какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его отношеніи къ эмпирической дѣйствительности субъективнаго и объективнаго міра, которыхъ оно есть абсолютное первоначало. Отсюда уже вытекаетъ раздѣленіе всей философской системы цѣльнаго знанія на три органическія части. Ибо разъ въ предметѣ философіи даны два элемента, именно абсолютное первоначало и происходящая изъ него вторичная дѣйствительность, то эти два элемента могутъ быть мыслимы только въ трехъ отношеніяхъ. Во 1-хъ, въ непосредственномъ единствѣ, во 2-хъ, въ противоположеніи и въ 3-хъ, въ актуальномъ различномъ единствѣ или синтезѣ. Такимъ образомъ, мы получаемъ три философскія науки: первая разсматриваетъ абсолютное начало въ его собственныхъ общихъ и необходимыхъ (слѣдовательно, апріорныхъ) опредѣленіяхъ, въ которыхъ другое, конечное существованіе заключается только потенціально—моментъ непосредственнаго единства; вторая разсматриваетъ абсолютное начало какъ производящее или полагающее внѣ себя конечную дѣйствительность — моментъ распадения, и наконецъ, третья имѣетъ своимъ предметомъ абсолютное начало какъ воссоединяющее съ собою конечный міръ въ актуальномъ синтетическомъ единствѣ. Это тройственное дѣленіе философіи, вытекающая изъ самой ея природы, имѣетъ очень древнее происхожденіе и въ той или другой формѣ встрѣчается во всѣхъ законченныхъ и сколько нибудь глубокихъ системахъ; ибо каждая отдѣльная система будучи на самомъ дѣлѣ только одностороннимъ проявленіемъ того или другого момента въ философскомъ знаніи, стремится при этомъ съ своей ограниченной точки зрѣнія представлять цѣлую философію ¹⁾).

Я удерживаю для трехъ составныхъ частей свободной теософіи

¹⁾ Въ особенности это должно сказать о философіи Гегеля, которая въ своей сферѣ формальнаго чисто-логическаго мышленія является совершенно полною и замкнутою. Поэтому общія формулы гегелизма останутся какъ вѣчныя формулы философіи.

старыя названія: *логика*, *метафизика* и *этика*; для отличія же ихъ отъ соотвѣствующихъ частей другихъ философскихъ системъ, буду употреблять термины: *органическая логика*, *органическая метафизика* и *органическая этика* ¹⁾. По внутреннему порядку идей изложеніе системы начинается съ логики, къ которой мы теперь и должны перейти.

Владиміръ Соловьевъ.

¹⁾ Определенный смыслъ этихъ терминовъ будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ.